

Андрей ПЕРМЯКОВ

Помянем

Осенью умер Саша, зимой – ещё один Саша
Инна Домрачева

Я проживаю жизнь, веруя в Чебурашку.
В чебурашку, который бутылка, но и в живого тоже.
Из единоверцев недавно утратили Сашку.
После – другого Сашку. Это тревожно.

Надо ли пить ради веры такой?
Не то чтобы надо, но можно.
Из зеркала, правда, взирает некто другой.
Сие опять тревожно.

Ладно: последняя стопочка.
Привокзальная, но по-людски.
Паровозик мой облачко.
Электричка МосКВА-Петушки.

Не ждали

Ты поседел? Ходи седой.
Ты полысел? Ходи как надо.
Ну, вот и вся твоя награда
за долгий подвиг непростой.

В чём подвиг? В общем-то, ни в чём.
Сам юбилей – считай, победа.
Короче, морду кирпичом
и радуйся сквозному лету.

Другое хуже: жили-были-пили,
среди своих казались все свои,
но оказалось, что происходили
сплошные арьергардные бои.

Андрей Пермяков родился в 1972 году в городе Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую Академию. Жил в Перми и Подмосковье. В настоящее время проживает во Владимирской области, работает на фармацевтическом производстве. Стихи, проза и критические статьи публиковались в журналах и альманахах «Абзац», «Алконось», «Арион», «Вещь», «Воздух», «Знамя», «Графит», «День и ночь», «Новая реальность», «Новый мир» и др. Автор книги стихов «Сплошная облачность» (2013) и трёх книг прозы. С 2007 года постоянный автор журнала «Волга». Лауреат Григорьевской премии (2014).

Ну, правда? Жили-пили. Не царило
меж нами никакое сильно зло.
Засим Сергея электричеством убило.
А дальше вон чего произошло.

С полем

Люди знают, как выглядит выстрел, как результаты выстрела,
но всё равно стреляют. Стреляют довольно точно.
То есть не из любопытства, не ради быстрого
насыщения, а просто результативно и мощно.

А мы наслаждаемся видами низколетающих птиц,
гладкою сталью.
Мечтаем о маленьком мире без всяких границ
и вообще исполнены добротой и печалью.

Стоим как на мирном параде
без трепета и без движения:
розоватые крылья уток на самом закате –
отличные такие мишени.

Ополье и рядышком

С буковки «эс» к буковке «а» проистекает строка,
как от Семхоза до Александрова-Первого
текут электрички северной ППК –
хорошие, полноразмерные.

Буквы русского языка:
закорючка, рука, рука,
две руки,
закорючка, бочка.
В бывшей столице рожает дочка.
Я становлюсь дедом.
При этом...
При этом еду.
При этом еду, кажется, в город Ростов.
Готов ли быть дедом?
Раз становлюсь, очевидно, готов.

Ледяная болотина от Петровска почти до Ростова –
это, конечно, не сахар, но и не геноцид.
В ледяную болотину от Петровска почти до Ростова
закатан практически весь алфавит.
Буквы русского языка обозначают станции.
Буквы русского языка из окошка кажутся танцами.

От Семхоза почти до Ростова слагается
мир, как текст.
Общая сущность не изменяется
за переменою мест.

Только колёсики переменяются на тишину
и водоём за окошком меняется на водоём.
Так и поеду, доколе в смерть не усну.
Ино ишо побредём.

Прощались

Вроде едва моргнул –
немножко осели сугробы.
Прадеды говорили: «Гаврила мечом взмахнул»,
впрочем, верили не особо.

Прадеды много чего говорили,
их время иначе длилось.
Прадедов, вроде, насильно почти женили,
а что изменилось?

Надо бы как-то отделаться:
всё равно и не врозь, и не вместе.
Печаль пополам не делится –
пелось в хорошей песне.

Ты напоминаешь ландыш, а я динозавра.
Ты мыслишь о завтра как мыслят о чуде.
Но завтра – оно будет завтра,
а послезавтра, возможно, совсем не будет.

Завтра оно будет завтра; будут душевные боли,
и головные боли, и очень милые фото.
«Покидая корабль, обязательно сделай глоток крепкого алкоголя», –
так говорится в уставе Английского королевского флота.

Страна советов

Никогда не пиши «дрожащий старик»,
Не пиши «раздувшийся труп».
Сам стал почти стариком и станешь раздувшимся трупом.
Извини, что я тут немножечко грубо,
Извини, но ты правда напрасно поник.

Я – это ты через сорок три года или через сорок пять лет.
Слушай меня, быстро пойдёшь в гору.
Не ругайся по матери. Кроме матери, у тебя ничего нет.
Стоп. Это я не тебе, это я одному молодому вору.

Извини, что приснился наполовину мимо –
Но видишь: перед тобой извиняюсь,
А перед ним не положено.
Он сильно не вышел рожей,
Но ты-то ведь тоже.
Ладно. Личного у нас не касаются.
Что? Как тут погоды и климат?
Вроде неплохо, однако как-то всё мимо.
Впрочем, твоё-то какое дело?
Ты есть тело и только тело.
Далее всё поменяется.

В рифму пока не пиши,
Воздухом подыши.
Далее вновь сопрягай созвучия.
Редкое ты всё-таки чучело.

Думаешь, не умрёшь? А если? А все-таки: если?
А если желаешь подольше, пей вместо привычной квас.
Думай о, так сказать, потенциальной угрозе.
И помни, что сказано было давно, но будто про вас:
«Последним убежищем рифмы будет застольная песня».
Так написал Егор Теодорович Розен.
Тут он сейчас. У нас.

Песня на Михайлов день

Небо от речки до горки немножко другое,
А перед лесом – совсем другое.
Камыши играют общую песню, и каждый – ещё свою.
Нежность, как в слове «швейю»: е, ё, ю.

Нежность как в слове, которому нету слова:
Единый, ёжики, юг – немножко не те.
Звуки чуть-чуть обрываются и через минуту – снова,
Но только в совсем иной высоте.
Звук поиграл чуть выше, ещё чуть выше и точно бы изнемог.
Это как будто не звуки, а всяким звукам основа:
Как на старинных картинках про ткацкий станок.

Вчера было плохо и холодно, завтра будет плохо и холоднее.
А в эту минуту изволит играть камыш,
Изволит, как царь Давид играл для своей Иудеи.
Играет, играет и вдруг тебе скажет: «Слышь,

К тебе тут ноябрь приходил –
Ледяной вполне крокодил».

Преупреждения к Рождеству

– Пластмассовые помидоры, пластиковые томаты,
Вино, что похоже на игрушечное вино, –
Это привычное, видимо, так и надо,
Но:
Как они вдруг умеют, чтоб свет оказался пластик?
Как вообще это – пластик заместо света?
Можно в Бангкок, на Антикитеру, в галактику Головастик,
В иные края простого и долгого лета.

А всё равно за тобою последуют пластик и свет –
Этот вот пластик и этот вот свет –
Такая досталась пластмассовая эпоха...

– Последуют, стало быть, сотни светящихся лет.
Последует свет.
Разве такое плохо?

Городок встретил

Ночью в июне луна – это главное.
Дядька ломает уют.
Бейте меня, говорит, православные.
И православные бьют.

Вроде ничем, но довольно серьёзно,
Прямо как будто за дело.
Чётко, уверенно, грозно,
Бодро, решительно, смело.

Славная-славная пьяная драка,
Пятеро на одного.
Хочет подняться, становится раком –
Хрясь по ебалу его!

«Сука-блядь-нахуй», «Простите, родимые» –
Музыкой из темноты.
Русское, славное, наше любимое.
Тем и сыты.

Трезвея

Знаменитые люди хвастаются своими гербами:
«В золотом поле червлёный бык стоит на зелёной земле.
Золотая кайма обременена восемью пучками травы».
Но лучше в приволжском лесу закусывать сырыми грибами.
Синявками, рыжиками и всякими другими грибами.
Города вдоль Волги тоже ведь хвастаются своими гербами:

Даже стерлядки, даже медведь, закорневший во зле,
Значительней, чем у Москвы.

Потихоньку смешиваются грибы и гербы.
Наступает весьма нечестивое умиление.
Ты на гербе или ты на щите и подобно оленю
Осуществляешь трубление,
Снимаючи пробку с резьбы.

Это известно: всякий пиит,
Напившись в лесу, трубит.

Примерно такая цена геральдического:
В поисках сходства впадаешь в лёгкое скотство.
Обретаешь премного лирического,
А также господство.

Ещё издаёшь вполне лучезарное пение.
Но всё равно ты подобен оленю.
И протрезвевши, останешься таковым:
Глупым, живым.

Самолётиков рой

Мошка кишит на июньском ветру
в чёрном воздуховороте.
Мол, говорит, дескать, я не умру,
и вы никогда не умрете.

В этом есть слава, опора, задор.
Даже какая-то смелость.
Девушка Бонда, Пусси Галор,
так же когда-то вертелась.

Девушка Бонда... при чём тут кино?
Нет, разумеется, к свету
все мы летим. Мы – сплошное звено.
Только вот радости нету.

Радости нету. Как хуй об забор.
Или пизду на продажу¹. А так, разумеется, слава,
задор. Смелость какая-то даже.

Совсем простое

Вот и сделалось тепло, вот и кончились осадки.
В организме сладко-сладко,

---

¹ «Как мордой в забор / или себя на продажу», кншн :)

точно мандарин:
переходы, пересадки,
огородные посадки,
счастье старых вин.

Фиолетовой полоской
маленькая речка.
Пусто-пусто, просто-просто
изнутри сердечка.

Ветерок бежит по коже,
жить – как будто спать.
*И никто нам не поможет,
И не надо помогать.*

Коммуникация

Человек вглядывается в одинаковые чужие лица
В поисках одного маленького лица.
Так большая рыжая птица
Ищет маленькую коричневатую птицу
Или небольшая рыжая птица
Ищет маленькую совсем птицу,
Ищет серого маленького птенца.

Другой человек навроде подъёмного крана,
Только живот у него – как бетономешалка.
Приехал встречать подружку, но слишком рано,
Вроде жуёт пирожок, а всё равно его жалко.

Третий, четвёртый, седьмой, восьмисотый,
Две тысячи пятый, который как будто к перилам рукою прирос,
Этот без цифры, поскольку забыл дома сотовый,
Все, кто сейчас на вокзале и около! я имею вопрос:

Зачем вообще люди обращают друг на дружку внимание?
Почему кто-то притягивает чей-нибудь взгляд или наоборот?
Спросил слишком громко, встретил непонимание.
Выгнали из вокзала, громко ругались. Ну, вот.

Воспоминания о Саше Корамыслове

Виделись от случая к случаю.
Ходили от здания к зданию.
Вкушали конфетки «Трезвучие».
Смеялись над их названием.

Закусывали конфетками,
если сказать точнее.

Встречи делались редкими,
похмелья становились мощнее.

Как-то не встретились в городе на Неве.
Встретились во Владимире, но я был совсем чумовой.
Как-то не встретились в городе Покрове,
а это ведь город считай что почти родной.

Встретились в городе Воткинске, где водоём.
Имели тихое прение:
«Отчего эти люди вместо “моём” произносят “мьём”?»
Не пришли к единому мнению.

Сашина жизнь тут заканчивается.
Как-то вот так: не слишком.
Цитата тихонько раскачивается
маятником из книжки:
*При неотмщённом страдании мьём,
неутолённом негодовании мьём.
При неотмщённом страдании,
неутолённом негодовании.
Неотомщённом,
неутолённом.
Мьём.*

За Купавной

Немножко земноводные движения,
и даже у детей – смурные личики.
Тоска народонаселения
всего заметней в электричках.

Ещё того заметней в окружении
пружин, цветов, пружин-цветов-пружин.
Стоишь и вспоминаешь с напряжением
домашних гениев и с кем ещё дружил.

Тоска по мировой контркультуре
особенно заметна у торговцев:
большая дура тычет в бок московской дуре,
и обе говорят, что обе – овцы.

Из электрички толстой, черноплодной
течёт прямая матерная речь
к земле пустой, иссохшей и безводной.
К земле, где лечь.

Про Урал (не центон, а за братиков)

Скоро стану добычею тления.
Это как водится:
осутился в своих помышлениях
и объюродился¹.

Приехал домой, где гады.
А гады ушли на охоту.
Сестричка ужасно рада,
но ей с утра на работу.

Места такие родные:
хорошие, честные.
Хляби вокруг земные,
тверди небесные.

Только никто не спросит:
«А ты чо такой дерзкий?»
Так-то мозги не выносят,
а так-то тихо, но мерзко.

Хожу меж весьма хороших,
наверно, более нежных.
Люди как люди, в общем, напоминают прежних.
Не понимают прежних.
Солнце как медный грошик.

И общая стёртость гор равняется стёртости слов.
Собака машет хвостом,
кинул ей тёплый плов.
Ол ю нид из, наверное, лов,
но в этом есть что-то не то.

Скоро стану добычею тления,
и не сказать, что до срока.
Сочиняю предсмертные стихотворения,
долго, уныло и много.
Правда ж, надолго хватит: продлится эпоха.

Песня моя почти что уже и вся.
А гады родные... Да ну их.
А гады родные меня позабыли, добыли лося.
Пируют.
Кажется, это и называют «неистребимая грусть».

Бездн им неисследимые хляби
и недр неисчислимы струи.
Пусть.

---

¹ Электронный текстовый редактор предлагает заменить на «облагородился», но нет.